

Валентин Распутин

—

Уроки
французского

Москва
2023

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р24

Распутин, Валентин Григорьевич.

Р24 Уроки французского / Валентин Распутин. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-169214-8

Главные герои рассказов Валентина Распутина (1937–2015) — дети. И совсем маленькие, и уже повзрослевшие. Вот мальчишка, проснувшись и обнаружив, что мама куда-то ушла, играет со своей старой игрушкой — одноногим зайкой. Рассердившись, что не знает, где мама, он бросает зайку на пол и пинает его. И тут же раскаивается: ведь игрушка не может никуда убежать. И мальчик плачет от одиночества. А вот взрослые дети съезжаются к умирающей старушке — своей матери. И это, кажется, единственный повод снова встретиться всем вместе, когда у каждого своя жизнь, полная забот. Эти рассказы наполнены любовью к людям: к детям и их родителям. Они показывают, как трудности закаляют характер, даже если встречаешься с ними на совсем еще небольшом жизненном пути.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169214-8 © Распутин В.Г., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛОБУС

Маленький школьный глобус поставили на книжный шкаф и забыли о его существовании. Шли годы, и на глобус все больше и больше оседала пыль, — она завалила весь земной шар как еще один вид атмосферных осадков, сквозь которые с трудом проступали его голубая и коричневая окраски: по Нилу и Амазонке текли теперь мутные, грязные воды, над Кордильерами и Кавказом постоянно висели серые туманы. Волга почти совсем пересохла, а на равнинные, плодородные прежде земли всюду наступали пески. То, что раньше было параллелями и меридианами, теперь напоминало морщины — старческие морщины вдоль и поперек лица, которое многое повидало, совершив не одно кругосветное путешествие.

Книжный шкаф стоял у высокого окна, настолько высокого, что оно доходило до самого Северного полюса — до Северного полюса маленького глобуса, забытого на книжном шкафу. Только окно и скрашивало существование глобуса: в него была видна широкая городская улица, на которую падали снега и дожди и по которой, сменяя друг друга, уходили и возвращались времена года. Весной вдоль тротуаров рядами стояли зеленые и большеголовые, одинаково подстриженные, как суворовцы, тополя; летом улицу заливало солнце, которое прерывали только короткие ночи и короткие дожди; осень, добрая и чуть грустная, была похожа на лоточницу на углу, продающую фрукты, а зиму, словно опасный перекресток, люди торопились пересечь

чуть ли не бегом. Глобус, этот маленький макет Земли, старался во всем подражать планете: когда по комнате ходили и книжный шкаф вздрагивал от шагов мелкой дрожью, глобус медленно вращался вокруг своей оси, стараясь быть верным хотя бы во временах года — летом в окно выглядывала Африка, знойный полдень Земли, а весной — Южная Америка. Он вращался очень медленно и осторожно, словно боясь, как бы на книжный шкаф не вытекла какая-нибудь небольшая река Европы или не сорвался и не утонул в Тихом океане какой-нибудь одинокий остров. Глобус не имел права потерять ни одной капли воды и ни одной частицы земли, он был крохотным шариком, сотворенным по образу и подобию планеты, шариком, на котором должна быть видна каждая родинка.

Шли годы, а он все стоял и стоял на книжном шкафу и, словно в зеркало с тысячекратным уменьшением, смотрел в окно. Казалось, он видел самого себя — все было то же самое, только в других измерениях. Прошлое, стекая вниз, образовало подставку, на которой глобус обрел устойчивость, а будущее застыло внутри — как неоткрытое, загадочное вещество. Со временем подставка становилась все больше и больше, а глобус, будто шар, из которого неслышно выходит воздух, постепенно сжимался. Всякая жизнь — это песочные часы, которых перед нами нет: прожитое стекает вниз, будущее остается наверху, а то, что проходит через узенькое горлышко между двумя колбами, — это и есть настоящее — вот оно уже упало, повинувшись закону земного притяжения. Узенькое-узенькое горлышко, способное пропускать лишь песчинки, но это горлышко песочных часов, и песчинки падают, падают, а мы по своим ходикам и будильникам определяем только время суток — время обеда, время сна, время работы.

Хозяин комнаты, тот самый человек, который когда-то мальчишкой учил по глобусу географию, заводил будильник всегда на одно и то же время, чтобы перед работой успеть послушать утренние последние известия. Он включал радиоприемник, искал нужную ему волну, и в комнате, как

в центре земного шара, раздавались голоса из самых разных стран и с разных континентов. Диктор называл страны — казалось, что это не диктор, а сама планета Земля объясняет маленькому глобусу, стоящему на книжном шкафу, что случилось на ее территории, что случилось на его территории за последние сутки. Человек ходил по комнате, из радиоприемника звучали голоса, и глобус вздрагивал от шагов и голосов — от тревожных шагов и тревожных голосов. Потом человек уходил на работу, а глобус, опершись на подставку, застыл перед окном: солнце поднималось и опускалось, дни, как спички, вспыхивали и гасли, и люди торопились туда и обратно: человеку всегда приходится возвращаться — домой, на работу, к исходным рубежам, к своей нулевой отметке.

Человек возвращался, снова включал радиоприемник и слушал вечерние известия. Земля, как роженица, страдала от боли и мечтала о счастье, и все это доносилось сюда, в небольшую комнату, по которой тревожными шагами ходил человек и где на книжном шкафу стоял маленький глобус.

Но однажды человек стал искать на книжном шкафу какую-то книгу и увидел глобус.

— Мой глобус! — радостно и удивленно воскликнул он. — Мой маленький глобус! Как же это я о тебе забыл!

Он сходил за тряпкой, стер с глобуса пыль, и земной шар сразу ожил и засиял всеми своими красками. Реки, как кровеносные сосуды, снова потекли в самые разные концы планеты, над Тихим океаном взошло солнце, на северных и южных, западных и восточных полях зазеленели всходы. Глобус приподнялся над подставкой, как над ненужным постаментом, и легонько качнулся, словно собираясь взлететь и продолжать движение по своей орбите, — казалось, он торопится снова в дорогу, чтобы не опоздать и ровно за 24 часа сделать полный оборот вокруг своей оси.

— Мой маленький глобус! — повторял человек. — Моя маленькая Земля! До чего же ты, оказывается, красивая!

Он держал перед собой глобус и улыбался, он казался себе первооткрывателем этой удивительной планеты, о которой до сих пор никто не знал. Но вдруг, спохватившись, человек взглянул на часы и включил радиоприемник. Комната наполнилась голосами, и эти голоса вернули человека к действительности. По всему миру проходили митинги против войны, которую одна большая страна вела в другой маленькой стране, а война все продолжалась и продолжалась. Диктор называл страны, и человек искал их на глобусе, в Америке и Азии, в Африке и Европе — он находил их и останавливал перед собой, словно вызывал для отчета. Потом диктор умолк, и человек, нажав на кнопку выключателя, снова пустил Землю по ее извечной орбите и остался наедине с глобусом. Это был географический глобус — мирный и красивый: с коричневыми Кордильерами, с голубыми волнами Тихого океана, с зелеными африканскими джунглями, и все на нем было к месту, все казалось близким и родным, как свое собственное.

— Да, — задумчиво сказал человек. — Плохо. Плохо мы живем.

Он придвинул к себе глобус и продолжал:

— Плохо мы живем, моя маленькая Земля. Что же нам сделать, чтобы все было хорошо? Ведь так нельзя. Может быть, выселить всех и начать все сначала?

Человек усмехнулся и поднялся. Был поздний вечер, за окном начиналась беспредельная вселенская темнота. Человек наклонился над глобусом, с силой крутнул его, словно сбрасывая с поверхности маленького земного шара всех его обитателей, затем принес мел и, торопясь, забелил глобус — весь, до последней точки.

Земля опустела и покрылась льдом, наступил ледниковый период. Холодная и безликая, она беспомощно застыла на одном месте, не в силах вырваться из тяжелого белого савана.

Человек сходил на кухню, принес влажную тряпку и взял глобус в руки. Сначала он очистил ото льда Евро-

пу, словно разбудил спящую красавицу, заснувшую 33 года назад, — она протерла глаза и удивленно огляделась, пытаясь понять, где она и что с ней случилось. Рядом никого не было. Европа могла испугаться своего одиночества, и человек, заторопившись, стал очищать Азию, сгоняя льды в Северный Ледовитый океан. Затем подошла очередь Африки и Австралии, на которых снова зазеленели джунгли и над которыми снова забились весенние грозы.

Следующей была Антарктида. Тряпка, которой человек стирал мел, к этому времени высохла и стала белой, убрать ею вековые льды самого холодного континента оказалось невозможно. Человек решил их оставить — как белый лист бумаги, заполнять который предстояло жителям Земли.

Перед тем как дать миру Америку, человек старательно вымыл тряпку. Наступил волнующий момент открытия, быть может, самой богатой и самой красивой части света. Сначала человек очистил ото льда Южную, затем Северную Америку. С запада и с востока в нее забили волны двух океанов, испытывая ее на прочность. Где-то далеко-далеко в Европе уже снаряжались корабли мореплавателей для открытия нового материка.

Теперь Земля была полностью свободна. В ее облике ничего не изменилось — те же части света, что и раньше, те же моря и океаны, реки и горы, но все это получило уже другое назначение: служить только достойным представителям человеческого рода.

— И чтобы никаких исключений, никаких помилований, — как заклинание повторял человек, склонившись над глобусом.

Он останавливал перед собой каждую из шести частей света и давал последние напутствия. Когда все было готово, человек, торжественный и счастливый, поставил глобус на крышку радиоприемника, и Земля, качнувшись, вышла на орбиту. Она бережно несла на себе Америку и Европу, Азию и Африку, по очереди подставляя их к солнцу, чтобы

восходы и закаты сходились над самой землей, осторожно перебирая ее в своих теплых руках.

Человек по-прежнему заводил будильник на одно и то же время — перед утренними известиями. Он включал радиоприемник, брал в руки глобус и слушал тревожные голоса, доносившиеся с разных концов земного шара. Он слушал их и смотрел на глобус, на свою маленькую Землю, тихую и счастливую.

Потом человек ставил глобус на крышку радиоприемника и уходил на работу. Крышка была покатою и полированной, а по улице, заставляя дом вздрагивать, беспрестанно шли тяжелые машины. К вечеру глобус перемещался к самому краю крышки, и Африка, Австралия и Южная Америка со страхом заглядывали вниз, но приходил человек, включал радиоприемник и брал глобус в руки.

Но однажды человек где-то задержался, а глобус снова скатился к самому краю крышки. Африка, Австралия и Южная Америка, преодолевая земное притяжение, казалось, приподнялись над поверхностью глобуса, подавая сигналы бедствия. Их слышала вся планета, но глобус уже не мог остановиться. Накренившись, словно терпящий бедствие корабль, он еще пытался задержаться, хватаясь за острую кромку крышки, но снова зазвенели стекла, и под этот звон глобус упал. Северное полушарие отделилось от южного и укатилось в угол.

Падая, глобус задел кнопку выключателя, и радиоприемник заговорил. Это были вечерние последние известия.

Земля продолжала вращаться, но уже без маленького глобуса.

<1965>

МАМА КУДА-ТО УШЛА

Мальчишка открыл глаза и увидел ползущую по потолку муху. Он поморгал, глядя на нее, и стал смотреть, куда она ползет. Муха двигалась в ту сторону, где было окно. Она бежала, не останавливаясь, и получалось это у нее очень быстро. Мальчишка решил, что она бежит по дороге, и стал ждать, не поползет ли за ней еще одна, чтобы удостовериться, действительно ли это дорога. Но больше мух не было. Они, правда, были, но по потолку почему-то не бегали, и мальчишка быстро потерял к ним интерес. Он приподнялся на кровати и крикнул:

— Мама, я проснулся!

Никто ему не ответил.

— Мама! — позвал он. — Я молодец, я проснулся.

Тишина.

Мальчишка подождал, но тишина не прошла. Тогда он спрыгнул с кровати и босиком побежал в большую комнату. Она была пуста. Он посмотрел по очереди на кресло, на стол, на книжные полки, но возле них никого не было. Они стояли просто так, занимая место. Мальчишка бросился на кухню, потом в ванную — они были одни.

— Мама! — крикнул мальчишка.

Тишина вобрала в себя его крик и сразу сомкнулась. Мальчишка, не поверив ей, снова бросился в свою комнату, оставляя от босых пяток и пальцев на крашеном полу замысловатые кругляшки, которые, остывая, растворялись и исчезали.

— Мама, — как можно спокойнее сказал мальчишка, — я проснулся, а тебя нету.

Молчание.

— Тебя нету, да? — спросил он.

Его лицо напряглось в ожидании ответа, он поворачивал его во все стороны, но ответ не пришел, и мальчишка заплакал. Плача, он подошел к двери и стал ее дергать. Дверь не поддавалась. Тогда он ударил ее ладонью, потом ткнул босой ногой, зашиб ногу и заплакал еще громче. Он стоял посреди комнаты, и крупные теплые слезы выкатывались из его глаз и падали на крашенный пол. Потом, не переставая плакать, он сел. Все вокруг прислушивалось к нему и все молчало. Он ждал, что вот-вот за его спиной послышатся шаги, но их все не было, и он никак не мог успокоиться.

Это продолжалось долго, а сколько, он не знал. В конце концов он лег на пол и стал плакать лежа. Он так устал, что перестал чувствовать себя, и уже не понимал, что плачет. Этот плач был так же естественен, как дыхание, и уже не подчинялся ему. Наоборот, он был сильнее его.

И вдруг мальчишке показалось, что в комнате кто-то есть. Он быстро вскочил на ноги и стал осматриваться. Ощущение, заставившее его подняться, не проходило, и мальчишка побежал в другую комнату, потом в кухню и ванную. Там никто не появился. Всхлипывая, мальчишка вернулся и закрыл ладонями глаза. Потом он убрал ладони и еще раз осмотрелся. В комнате ничего не изменилось. Кресло пустовало, стол стоял один, на книжных полках, как всегда, были книги, но их разноцветные корешки смотрели грустно и слепо. Мальчишка задумался.

— Я больше не буду плакать, — сказал он себе. — Придет мама, я буду молодец.

Он пошел к кровати и одеялом вытер себе заплаканное лицо. Затем неторопливо, словно прогуливаясь, он обошел все, что было у них в квартире. И тут ему в голову пришла блестящая мысль.

— Мама, — негромко сказал он, — я хочу на горшок.

Он не хотел на горшок, но это было то, что заставило бы мать, будь она дома, тотчас броситься к нему.

— Ма-ма, — повторил он.

Ее не было дома, теперь он понял это окончательно. Надо было что-то делать. «Я сейчас поиграю, и мама придет», — решил он. Он пошел в угол, где были все его игрушки, и взял зайца. Заяц был его любимцем. У него отклеилась одна нога, отец несколько раз предлагал мальчишке приклеить эту ногу, но тот никак не соглашался. С двумя ногами зайца любить было бы не за что, так он и оставался с одной, а вторая валялась где-то здесь же и теперь существовала сама по себе.

— Давай играть, зайка, — предложил мальчишка.

Заяц молча согласился.

— Ты больной, у тебя ножка болит, я тебя сейчас буду лечить.

Мальчишка положил зайца на кровать, достал гвоздь и ткнул им зайца в живот, делая укол.

Заяц к уколам привык и никак на них не реагировал.

Мальчишка задумался, потом, словно что-то вспомнив, отошел от кровати и заглянул в большую комнату. Там ничего не изменилось, и тишина по-прежнему все так же медленно раскачивалась из угла в угол. Комната была как надутый шар с несколькими горошинами внутри: это стол, кресло, книжные полки.

Мальчишка, вздохнув, вернулся к кровати и посмотрел на зайца. Тот спокойно лежал на подушке.

— Нет, не так, — сказал мальчишка. — Теперь я буду зайкой, а ты маленьким мальчиком. Ты будешь меня лечить.

Он посадил зайца на стул, а сам лег в кровать, поджал под себя одну ногу и заплакал. Заяц, сидя на стуле, удивленно смотрел на него своими большими глазами.

— Я зайка, у меня ножка болит, — объяснил ему мальчишка.

Заяц промолчал.

Мальчишка поднял голову и сел. Сидя, он долго смотрел на зайца и о чем-то думал.

— Зайка, — спросил потом он, — куда ушла мама?

Заяц не ответил.

— Ты не спал, ты знаешь, говори, куда ушла мама? — потребовал мальчишка и взял зайца в руки.

Заяц молчал.

Мальчишка забыл, что раньше он всегда сам отвечал за зайца, выступая сразу в двух ролях, и теперь всерьез требовал от него ответа. Он забыл, что заяц был только игрушкой среди игрушек — среди кубиков, которые становились друг на друга, только когда их ставили, среди машин, которые шли, только когда их вели, среди зверей, которые рычали и разговаривали, только когда за них кто-нибудь рычал и отвечал. Он обо всем забыл, этот мальчишка.

— Говори, говори! — требовал он.

Заяц продолжал молчать. Мальчишка швырнул его на пол, прыгнул с кровати и, бросившись на зайца, стал его пинать. Заяц катался по полу, подскакивал, крутился, и мальчишка тоже подскакивал и крутился вокруг него и все повторял: — «Говори, говори, говори!», — но заяц не мог от него никуда убежать, потому что он был с одной ногой. И мальчишка вдруг понял это. Он остановился. Он стоял и смотрел, как заяц, уткнувшись лицом в пол, беззвучно плачет. И он услышал этот плач. Он наклонился над зайцем, развел руками и виновато сказал:

— Мама куда-то ушла.

И вдруг мальчишке показалось, что по лестнице кто-то поднимается.

— Мама! — закричал он, бросаясь к двери, но запнулся о кресло и упал. Он поднялся, прислушиваясь, но за дверью никого не было. И тогда мальчишка снова заплакал. Он плакал от боли и одиночества. Что такое боль, он уже знал. С одиночеством он встретился впервые.

<1965>

Мужчины¹

По дороге Димка сказал:
— Первый класс закончим, а там видно будет.

Нам с Димкой не дружить было никак нельзя. Мы родились в один месяц, жили рядом, и у нас на двоих был один велосипед. Его сообща купили наши, чтобы мы были друзьями. Димкина мать говорила еще, что спустя несколько лет они собирались купить нам ружье, тоже одно на двоих, но у них ничего не вышло, потому что Димкиного отца посадили в тюрьму.

Школа у нас была немаленькая, но мы тогда во всей школе не учились, а учились только в одном, самом большом классе. В первом ряду сидели мы, первоклассники, во втором второклассники, весь третий и полчетвертого ряда занимал третий класс, а на последних трех партах сидели четвероклассники. Мы учились с утра, а потом наша учительница обедала и бежала за три километра в Петровку, потому что у петровских своей учительницы не было.

На самый первый урок к нам пришел председатель сельсовета дядя Костя. У него была только одна нога, вторую ему отстрелили на фронте. Он подал учительнице кофты, чтобы она их подержала, сел за стол и сказал:

— Те, которые дети фронтовиков, встаньте.

¹ В ранних редакциях (Красноярский комсомолец. 1966. 15 мая; Человек с этого света. Иркутск, 1967) рассказ носил название «Мы с Димкой».

Я поднялся, Димка остался сидеть. Нас стояло много, война тогда шла вовсю. Дядя Костя оглядел нас и наказал:

— Дети фронтовиков должны учиться хорошо!

— Константин Петрович, — вмешалась наша учительница, — все ребята должны хорошо учиться.

Дядя Костя подумал и поправился:

— Все ребята должны хорошо учиться, но дети фронтовиков должны учиться лучше всех. Понятно?

— Понятно, — закричали мы, и дядя Костя взял у учительницы костыли и ушел.

За один урок в нашей школе можно было научиться чему хочешь. Когда мы, например, хором учили буквы из азбуки, во втором классе в это время шла арифметика, в третьем — родная речь, а в четвертом история или география. В войну ребята хулиганили мало, если они, конечно, были настоящие хулиганы, и все равно одной учительнице с нами со всеми управиться было тяжело. Даст она, например, нам задание, а сама уйдет к третьему классу и читает им родную речь, а мы тоже слушаем, если интересно. Зато, когда мы вслух учили буквы, с нами вместе их повторяли и в третьем, и в четвертом классе. Они сидят, пишут, а сами повторяют. Разве поймешь, кто это — они или мы — ведь букву говорят громко, вслух.

Когда мы уже научились немножко читать, к нам опять пришел дядя Костя.

— Те, которые дети погибших воинов, встаньте! — приказал он.

Захлопали крышки у парт, и поднялось восемь человек. Девятый, Колька Афанасьев из третьего класса, сначала тоже вскочил, но растерялся и сел, ожидая, скажут ему подниматься или не скажут. Я бы на месте Кольки тоже не знал, вставать или не вставать, потому что у него отец потерялся без вести. Вот уже год после того прошел, а он все не находился.

Дядя Костя поднялся за столом и по очереди оглядел всех, кто стоял.

— Гады! — закричал вдруг он. — Изверги! Таких людей извели, таких ребяташек сиротками сделали! У-у-у, гады!

Мы испугались и молчали. Было видно, как дядю Костю трясет, поэтому он больше ничего не мог сказать. Но потом он пришел в себя и сказал учительнице, которая тоже испугалась и стояла у печки:

— Надо их как-то выделить, чтобы видно было, что отцы погибли героями.

Учительница пожалала плечами, она, видно, не знала, как их можно выделить.

— Флажки им на парты поставить, — подсказал дядя Костя. — Красные, наши, советские. Чтоб у других слезы к глазам подступали, а сами они, — дядя Костя показал рукой на тех, кто стоял, — помнили и учились на круглые пятерки.

После уроков мы с Димкой стали помогать ребятам и учительнице делать флажки. Мы вырезали их из старого лозунга, который повесили на воротах нашей школы еще до войны и на котором было написано «Да здравствует 1 Мая...» и дальше еще что-то. Материал на лозунге весь повыщвел, и от красного на нем ничего не осталось, но другого у нас не было. У нас тогда много чего не было, даже тетрадок, и писали мы на газетах, а чернила разводили из сажи.

Мы сделали восемь флажков и истратили только пол-лозунга, а пол-лозунга спрятали в шкаф — это для тех, у кого отцы еще не погибли, но со временем погибнут. Флажки мы поставили на парты, просто воткнули их в щели, и наш класс сразу стал совсем другой, какой-то печальный, потому что флажки не развевались, а только висели. Если рядом быстро пройти или пробежать бегом, то флажок откидывался, а потом снова падал, и ничего с ним нельзя было поделывать.

— Димка, — спросил я, когда мы шли домой, — а как же Колька Афанасьев?

— Колька Афанасьев — другое дело, — ответил Димка.

— Почему?

— Ты же знаешь, у него отец потерялся без вести.

— Ну и что?

— А может, он с фронта сбежал?

Я стал думать, потом сказал Димке:

— Нет, Димка, это неправда. Если бы Колькин отец сбежал с фронта, он бы прибежал сюда, уж целый год прошел. А раз его нету, значит, он тоже погиб, только погиб так, что никто не видел. Наверно, он погиб не смертью храбрых, а простой смертью.

— Кто его знает, — заколебался Димка.

— Давай, Димка, вернемся и сделаем Кольке флажок. Потому что так нечестно. У всех есть, а у него нет. И отца тоже нету. Думаешь, ему не обидно? Еще как обидно.

— Мне-то что, — пробормотал Димка. — Давай вернемся и сделаем.

Мы повернули обратно. В школе уже никого не было: учительница ушла в Петровку, ребята убежали по домам. Мы с Димкой достали лозунг и сделали еще один, девятый флажок, а потом поставили его на Колькину парту. Я стал прятать лозунг обратно в шкаф.

— Подожди, — сказал Димка, — посмотрим, сколько осталось.

Мы разостлали лозунг на полу, и Димка стал считать — на сколько флажков еще хватит.

— Вот весь изрежем, тогда и война кончится, — сказал он.

— Откуда ты знаешь? — удивился я.

— А я не знаю, — ответил Димка, — я просто так сказал.

Утром мы прибежали в школу пораньше, чтобы посмотреть, что будет делать Колька, когда увидит флажок. А Кольки, как нарочно, долго не было, он пришел уже перед самым уроком и сначала ничего не заметил и только уж потом завертел головой и заволновался — видно, он решил, что сел не за свою парту, но осмотрелся — нет, парта его, а что он думал про флажок, — мы не знали.

Учительница тоже увидела, что на Колькиной парте стоит еще один флажок.

— Афанасьев, — сказала она, зачем ты это сделал?

Колька вскочил.

— Это не я. Я пришел, он тут...

— Кто это сделал? — спросила учительница у всех.

Мы с Димкой поднялись и сказали:

— Это мы.

— Почему вы считаете, что у Афанасьева на парте должен стоять флажок?

Мы с Димкой молчали.

— Ну, отвечайте!

Димка кивнул на меня.

— Ну?

— Если бы Колькин отец сбежал с фронта, то он бы прибежал сюда, больше ему бежать некуда. Ведь он не прибежал, правда, Колька? Колька опять вскочил:

— Нет, его не было. Честное пионерское.

— Хватит, — оборвала нас учительница. — Садитесь.

Не говоря ни слова, она по очереди открыла все окна в классе. Начиналась весна. Мы стали смотреть, как флажки шевелятся, будто оживают и начинают дышать. Так и хотелось помочь им: разделить бы всем поровну и дуть на них из всей силы — тогда бы они забились.

Учительница встала и закрыла окно.

— Начнем урок, — сказала она.

Димка толкнул меня в бок и показал на дверь. Там стоял мой младший братишка Женька, которому исполнилось всего четыре года. Он увидел меня и потопал ко мне через весь класс. Ребята засмеялись.

— Здравствуйте! — удивленно сказала учительница, но Женька не ответил, он даже не повернулся к ней и продолжал топтать ко мне.

— А ну, марш домой! — попросил я.

— Володя, — захныкал Женька, — у нас папку сегодня на войне убили.

— Чего ты выдумываешь?!

— Я не выдумываю, — обиделся Женька. — Мамка письмо получила и теперь плачет.

Я кинулся из класса, Димка за мной. Женька бежал сзади.

Дома я распахнул дверь — у нас было много народу. Где-то там, за народом, голосила мама. Я повернул обратно, в дверях столкнулся с Димкой, проскочил мимо него и бросился на верхний край деревни, туда, за деревню. Димка опять побежал за мной. Где-то позади кричал Женька, он далеко отстал, но все бежал и кричал.

Я остановился возле землянки, которую мы с Димкой вырыли, когда еще не ходили в школу. Здесь было тихо, но где-то недалеко опять закричал Женька. Я не стал ему отвечать. Я сел у входа в землянку — можно было забраться и внутрь, но там было грязно. Подбежал запыхавшийся Димка и сел в сторонке.

— Володя! — кричал Женька. — Володя, где ты?

Мы с Димкой молчали. Женька заплакал и пошел обратно в деревню.

— Плакать будешь? — спросил меня Димка.

Я не ответил.

— Когда отца убивают, — можно.

— Толку-то, — откликнулся я.

— Толку нету. Говорят, легче бывает.

Было слышно, как в деревне беспокойно лают собаки, где-то за рекой ухнул выстрел.

— Вот у меня отец хоть и живой, а считай, без отца, — сказал Димка. — Еще хуже. Один стыд только.

— Ты его разве помнишь?

— Жить неохота, — сказал Димка.

— Может, он хороший человек был?

— Ну и что? А если он против русских шел?

Я не ответил. На другой день мы вырезали из нашего лозунга флажок, который мне полагался за отца. Мы воткнули его в парту, а потом сели за нее и стали рядом сидеть. Тут я опять понял, что отца у меня больше нет и уже никогда не будет. Мне захотелось плакать, но я сдержался и не заплакал,